

Российское этнографическое музееведение и семья этнографов Харузиных

М.М. Керимова

Старший научный сотрудник, к.и.н. Института этнологии и антропологии РАН им.
Н.Н.Миклухо-Маклая, *Центр Европейских и Американских исследований, г. Москва*

Статья посвящена становлению и развитию отечественного этнографического музееведения последних десятилетий XIX – начала XX в., роли музейного дела в популяризации этнографических знаний и плодотворном участии семьи этнографов Харузиных в разных сферах музееведения, их причастности к разработке научных основ планов и программ этнографических музеев России и зарубежья.

Вклад семьи Харузиных в становление и развитие Российской этнографической науки последних десятилетий XIX – первой трети XX столетия неоспорим: они создали более 300 трудов по этнографии и антропологии, многие из которых вошли в золотой фонд отечественной научной мысли и не утратили актуальности и в наши дни. Велика роль Николая и Веры Харузиных в утверждении этнографии как специальной дисциплины в российских вузах и издании первых систематических курсов лекций по этнографии, Николая Харузина в создании и редактировании первого в России специального журнала «Этнографическое обозрение», а также в активном участии Михаила, Алексея, Николая и Веры Харузиных в развитии этнографического программирования в России, экспедиционных и программных мероприятиях ведущих научных обществ, в архивном и музейном деле¹.

Братьев и сестру объединяла не только исключительная увлеченность науками, но и редчайшая преданность друг другу, готовность всегда и во всем прийти на помощь, делиться

---

¹ Подробнее о Харузиных см. статьи *М.М. Керимовой*: *Семья этнографов Харузиных и их эпистолярное наследие* // *Этнографическое обозрение*. 2003. № 4.; *А.Н. Харузин - этнолог и антрополог (в соавторстве с О.Б.Наумовой)* // *Репрессированные этнографы*. М., 1999; *Н.Н. Харузин и В.В. Кандинский* // *Этнографическое обозрение* (далее – ЭО). 2007. № 6; *В.Н. Харузина – первая женщина профессор этнографии в России* // *Гласник этнографского Института САНУ*. Београд, 2008. № 1; *Этнографические изыскания М.Н. Харузина (к 150-летию со дня рождения)* // *Славяноведение*. 2010. № 6; *Словенские сюжеты в научном наследии Харузиных* // *Slovenica*. История и перспективы российско-словенских отношений. СПб., 2011; *О создании журнала «Этнографическое обозрение» (1889 – 1916) (по архивным материалам В.В. Богданова)* // *Антропологический форум*. 2011. № 15.

замыслами и планами. Их многочисленные исследовательские интересы часто перекрещивались; они увлекались близкими темами, изучали одни и те же регионы России и зарубежья. Жизненный путь каждого из них, яркий и тернистый, и уж очень недолгий (его обрывала то ранняя смерть, то аресты, то нескончаемые недуги), имел в то же время много общего и в отношении к избранной профессии, и в отдельных нюансах общественно-политических взглядов.

Колоссальный диапазон деятельности Харузиных — специалистов широкого профиля — включал элементы научной, популяризаторской, организационной, лекционной и собирательской работы. Все это не прошло бесследно и для развития музейной этнографии в России. Харузиным довелось сотрудничать с центральными и местными музеями России, что позволило им проанализировать работу музеев и дать рекомендации по улучшению их работы, привлечению физических лиц и общественных организаций для пополнения музейных фондов, увеличения количества экспедиций и др.

Старейший из этнографических музеев страны — Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук в С.-Петербурге (МАЭ) выделился из Кунсткамеры, которая была создана Петром I в 1714 г. В 1725 г. библиотека Кунсткамеры и ее этнографические и антропологические экспонаты были переданы в ведение Петербургской академии наук. На основе сосредоточенных в Академии многочисленных коллекций возникло семь специализированных музейных собраний и среди них созданный в 1836 г. Этнографический музей Академии наук, который в 1879 г., после объединения с «Анатомическим кабинетом», стал называться Музей антропологии и этнографии Академии наук. В 1903 г. ему было присвоено расширенное название — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской АН.

Активную научную и экспедиционную деятельность МАЭ развивает в 1890–1900-е годы, когда с 1894 по 1918 г. его возглавляет академик В.В. Радлов. Приблизительно в это же время происходит знакомство Харузиных с деятельностью музея и его сотрудниками. Их интересуют этнографические коллекции Сибири и Дальнего Востока, Океании, Австралии, Северной и Южной Америки, отраженные в собраниях музея и его периодическом издании «Сборник Музея антропологии и этнографии»².

Чаще всего к разнообразным собраниям МАЭ обращается В.Н. Харузина. Она высоко оценивает деятельность Музея и его директора В.В. Радлова в рецензии на труд «Ко дню семидесятилетия академика Василия Васильевича Радлова» (СПб., 1907). С ним Харузина была

---

² См.: Станюкович Т.В. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. М.–Л., 1964; Потанов Л.П. Музей антропологии и этнографии АН СССР (К 250-летию музея) // Советская этнография. 1964. № 4.

лично знакома, показывала ему этнографические коллекции Румянцевского музея³. Эта книга, по ее мнению, содержит перечень многочисленных работ маститого ученого и очерк о развитии МАЭ за 1904–1906 гг. под его руководством и при участии его ближайших сотрудников: Л.Я. Штернберга, С.Ф. Ольденбурга, Б.Э. Петри, Б.Ф. Адлера, Е.М. Романовой, Н.М. Могиланского и др. Бесконечно много любви и труда, отмечает Харузина, вложено в рост музея, принятого директором в крайне бедном состоянии⁴. Радлов сумел создать группу активных «жертвователей» в научный фонд музея, расширить экспедиционную работу, взаимообмен с иностранными учреждениями, и, главное, он определил способ каталогизации, дававший возможность распределения экспонатов в эволюционном и культурно-этническом порядке. Вера Николаевна считала, что именно такой способ позволял классифицировать предметы в соответствии с их однородностью, назначением и ролью в культуре.

Нам представляется, что краткая рецензия Харузиной о деятельности В.В. Радлова и всего коллектива сотрудников музея может служить образцом позитивной оценки деятельности МАЭ, так необходимой российскому этнографическому музееведению начала XX в. Подтверждением этому может служить запись в дневнике В.Н. Харузиной от 1 января 1915 г.: «Сейчас у меня так много желания работать, стоит только прочесть отчет МАЭ — и как волна поднимается»⁵. Она, очевидно, имела в виду отчет Л.Я. Штернберга «Деятельность Музея за 1914 год»⁶ и очень радовалась успехам своих коллег, интересовалась новыми выставками. В.Ф. Миллер, например, сообщает Харузиной, что он был на открытии выставки Камчатской экспедиции Рябушинского (7 декабря 1912 г.), «провел все утро в Этнографическом музее Петра Великого при Академии. Осматривал айнскую коллекцию, а сегодня вечером коллекции этнографов, собранные для приезда из Москвы В.В. Богданова»⁷.

Заочное знакомство Николая и Веры Харузиных с известным этнографом и музееведом Л.Я. Штернбергом произошло в 1893 г., когда он, политический ссыльный, с 1889 по 1897 г. член революционной организации «Народная воля», находясь на о-ве Сахалин и пребывая в тяжелейших условиях жизни на каторге, смог отослать в Москву редактору журнала

³ Отдел письменных источников ГИМ (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 81. Л. 50.

⁴ Харузина В.Н. Ко дню семидесятилетия академика Василия Васильевича Радлова // ЭО. 1907. № 1. С. 5.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 76. Л. 38.

⁶ Сборник МАЭ. Т. 3. Пг., 1916. С. 205–212.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 38. Л. 115об.; Богданов Владимир Владимирович (1868–1949), этнограф, специалист по восточнославянской этнографии, доцент МГУ, музейный работник, член (1891–1930) и ученый секретарь (1905–1930) Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ). После смерти Н.Н. Харузина стал редактором журнала «Этнографическое обозрение».

«Этнографическое обозрение» Н.Н. Харузину свою статью «Сахалинские гиляки»⁸, а в дальнейшем, после ознакомления Харузина с его работой «Путешествие на крайний север о. Сахалин»⁹, прислал ему рукопись статьи «Орочи татарского пролива» (1896). Очевидно, ему было известно, что редколлегия журнала «Этнографическое обозрение» во главе с профессором В.Ф. Миллером и Н.Н. Харузиным приняла решение предоставлять ссыльным этнографам журнальные страницы. Николаю Николаевичу не довелось лично познакомиться со Штернбергом, зато Вера Николаевна была с ним в дружеских отношениях. С 1901 г. Штернберг живет в Петербурге. Он — сотрудник МАЭ, с 1904 г. — старший этнограф Музея. Харузина пристально следит за работами Штернберга, блестящего эрудита, теоретика и практика этнографических исследований по малым народам Дальнего Востока. В ее дневнике от 13 ноября 1909 г. есть запись о радостной весте: предложении Штернберга работать в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, где он в то время был редактором и автором многих статей¹⁰. Приезжая в Москву, Штернберг посещал дом Харузиных, а Вера Николаевна писала, что в 1916 г., будучи в Петербурге, «интересно разговаривала с ним по телефону»¹¹.

Случайно пересеклись судьбы Штернберга, Харузиной и Б. Пилсудского (1866–1918). Поляк по рождению, участник «Народной воли», Пилсудский с 1889 г. отбывал каторжные работы на Сахалине, где в 1891 г. познакомился и сдружился со Штернбергом. Штернберга и Пилсудского объединяла любовь к этнографии айнов, нивхов, орочей и других народов. Он помогал Пилсудскому деньгами для пополнения огромной коллекции последнего, долго и пристально изучавшего народности Дальнего Востока. В 1903 г. ИРГО наградило Пилсудского малой серебряной медалью за ценнейшую айнскую коллекцию. В Архиве МАЭ сохранилась опись коллекции Пилсудского, некоторые из записей существуют в автографах Штернберга. Интересно, что А.П. Чехов помогал Пилсудскому организовать на Сахалине библиотеку. Пилсудский следил за блестящей карьерой Н.Н. Харузина и В.Н. Харузиной. После выхода учебника «Этнография» Н.Н. Харузина он обратился к его сестре и редактору труда с просьбой прислать ему экземпляр. Так завязалась их переписка, особо активная в 1912–1913 гг.

В своих письмах из Польши Пилсудский благодарит Веру Николаевну за заочное знакомство с В.Ф. Миллером, который проявил к нему большое внимание; сообщает, что на ее брошюру «Отчет о летней поездке в Германию», где идет речь о немецких этнографических

⁸ Штернберг Л.Я. Сахалинские гиляки // ЭО. 1893. № 2.

⁹ Штернберг Л.Я. Путешествие на крайний север о-ва Сахалин // Сахалинский календарь и материалы к изучению о-ва Сахалина. Сахалин, 1896. Ч. 11.

¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 72. Л. 126.

¹¹ Там же. Д. 76. Л. 75об.

музеех, написал рецензию для львовского журнала «Lud», восторженно отзывается о статье Веры Николаевны в книге «Игрушка. Ее история и значение» и особенно о статье «О почитании огня» (писал, что приложенную к последней этнографическую программу хочет распространить в Польше)¹².

Начиная с середины XIX в. в русском обществе не стихают споры о необходимости создания государственного музея русского искусства. Они завершаются в 1895 г., когда по приказу Николая II в С.-Петербурге учреждается Русский музей императора Александра III. Официально он был открыт для посетителей в 1898 г. в роскошном Михайловском дворце. В нем были отделы: памяти Императора Александра III, этнографический, художественно-промышленный и художественный. В 1902 г. из состава Русского музея выделился Этнографический отдел, на основе которого в 1934 г. в Ленинграде был создан самостоятельный Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ), в 1992 г. переименованный в Российский этнографический музей (РЭМ). В 1948 г. в него влились коллекции из свернутого в годы Великой Отечественной войны Музея народов СССР (Москва). Во главе Этнографического отдела Русского музея (до 1910 г.) стоял известный этнограф, бывший народоволец Д.А. Клеменц, сотрудниками были Е.А. Ляцкий, Н.М. Могилянский, Ф.К. Волков, А.А. Миллер и др. В разработке научных основ плана и программы Этнографического отдела Русского музея участвовали ведущие российские ученые: А.Н. Пыпин, А.Н. Веселовский, А.И. Соболевский, В.В. Стасов, П.П. Семенов-Тянь-Шанский. Был приглашен и уже известный в научных кругах А.Н. Харузин¹³, который свои соображения по этому вопросу изложил письменно. Горячие споры относительно задачи музея закончились решением: она должна состоять в «изучении этнографии Российской империи, славян и сопредельных стран». Была составлена и специальная программа, предусматривавшая экспедиции в разные регионы для сбора предметов материальной и духовной культуры европейской части России, Дальнего Востока и Сибири, Крыма и Кавказа, Средней Азии и

¹² ОПИ ГИМ. Ф.81. Д. 37. Л. 50; Д. 38. Л. 68.

¹³ О прочных связях А.Н. Харузина с музеем свидетельствуют следующие факты. Поскольку Мстислав Харузин увлекался историей и археологией Древнего Египта и даже побывал в Египте в 1914 г., А.Н. Харузин, поддерживая увлечение сына, повел его в музей Императора Александра III, где они познакомились с Б.А. Тураевым, который в дальнейшем помогал молодому ученому: «Слава вчера уехал в Петроград с рекомендательными письмами Тураева к Марру и Орбели». — ОПИ ГИМ. Ф.81. Д. 76. Л. 41–41, 49об. Б.А. Тураев (1868–1920) — историк, академик (с 1918), создатель отечественной школы истории Древнего Востока, в частности Древнего Египта и Нубии. Наряду с В.С. Голенищевым считается основоположником египтологии в России.

Казахстана. Краеведы и информаторы широко привлекались к этой нелегкой работе. К 1909 г. в Этнографическом отделе Русского музея насчитывалось 78 716 экспонатов.

В.Н. Харузина поддерживала связи с сотрудниками Этнографического отдела. В ее дневнике сохранилась, например, такая запись: «10.I.1903. Сейчас письмо от Ляцкого. Он, оказывается, хранитель Этнографического музея Александра III — это место, о котором я мечтала для Коли (Николая Харузина. — *М.К.*), завязывает связи с московскими этнографами и приглашает меня к сотрудничеству. Этнография — общее дело»¹⁴. В ее дневнике сохранилась запись и о том, что в очередной раз своего посещения Петербурга была в музее, «разговаривала с А.А. Миллером об изучении орнамента и осматривала с ним Кавказское отделение»¹⁵.

Центральным московским музеем, имевшим большую этнографическую коллекцию, становится с 1862 г. переведенный из С.-Петербурга Румянцевский музей. Он был учрежден в 1828 г., открыт для посетителей в 1831 г. и состоял из коллекций, собранных при содействии кружка графа Н.П. Румянцева, ученого, коллекционера и мецената. Собрание предметов из Океании и стран Дальнего Востока было главным его богатством. В 1862–1869 гг. он носил название «Московский Публичный музей и Румянцевский музей». В 1867 г., после закрытия первой Всероссийской этнографической выставки в Москве и на основе ее экспонатов, собранных в разных регионах Российской империи и славянских сопредельных странах, в рамках Публичного и Румянцевского музея создается Дашковский этнографический музей. Его директором с 1867 г. и до своей кончины в 1896 г. был русский этнограф, меценат и коллекционер В.А. Дашков (1819–1896)¹⁶, много сделавший для организации этнографической выставки и ее финансовой поддержки. По сути дела, с 1867 г. он возглавлял Московский Публичный и Румянцевский музей¹⁷.

Велики заслуги выдающегося русского фольклориста, этнографа, языковеда и археолога В.Ф. Миллера (1848–1913), с 1884 по 1897 г. бессменного хранителя фондов Дашковского музея, составителя и автора четырехтомного труда «Систематическое описание коллекций Дашковского музея» (вып. I–IV. М., 1887–1895). Н.Н. Харузин высоко ценил этот

¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 68. Л. 72.

¹⁵ Там же. Д. 76. Л. 75об

¹⁶ За счет В.А. Дашкова в период с 1868 по 1888 г. были изданы: «Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах ей прилежащих» (I–II. М., 1868–1873); «История русской жизни с древнейших времен» И.Е. Забелина (I–II. М., 1876–1879), «Материалы для исторического описания Румянцевского музея» К.И. Кестнера (М., 1882) и др.

¹⁷ На базе Румянцевского и Дашковского собраний был создан Центральный музей народоведения (1924), фонды которого в 1948 г. были перевезены в Ленинград.

фундаментальный труд своего учителя. В журнале «Этнографическое обозрение» за 1894 г.¹⁸ он опубликовал пространный отзыв на третий выпуск. Он отличался от первых двух выпусков тем, что в них содержались, помимо описания музейных коллекций инородческого населения России, также и библиографические указатели всех трудов, по которым этнографы могли изучать их быт и культуру. В третьем же выпуске, где речь шла о велико- и малороссах, белорусах и поляках, такой надобности не было: существовала уже большая критическая литература, поэтому Миллер сосредоточил внимание на проблеме трансформации русской крестьянской одежды под влиянием городской культуры. Разослав особую программу по этому вопросу в 35 губерний и получив в ответ богатый и ценный этнографический материал, он тем самым достиг двух целей — сохранения старины и уточнения компонентов современного костюма.

Н.Н. Харузин особо отмечал, что колоссальная работа, продолженная В.Ф. Миллером, привела к блестящему результату — было систематически прослежено изменение внешнего, материального народного быта, в том числе одежды и нравов крестьянского населения России конца XIX в., а также новых взглядов и представлений в целом. По мысли рецензента, музеевед по призванию, Миллер, затронув мало разработанные вопросы быта восточных славян Российской империи, сумел оказать «существенную услугу русской этнографии»¹⁹.

Эта работа Миллера в числе других публикаций, безусловно, выдвигала Румянцевский этнографический музей в число ведущих культурно-просветительских учреждений России. Вот почему, когда в 1910 г. среди ученой общественности Москвы пошли разговоры о выделении этнографических коллекций из Румянцевского и Дашковского музеев (одним из основных сторонников этого был меценат и коллекционер И.Е. Цветков) и необходимости создания «Русского национального этнографического музея», о переводе всех московских фондов в Петербург, Вера Николаевна писала в своем дневнике 2 мая 1910 г.: «Ведь здесь коллекции, собранные моей семьей... Столько положено нашей любви..., и столькому учились»²⁰. В 1913 г. она дважды присутствует на заседании кафедры антропологии Московского университета, возглавляемой Д.Н. Анучиным, при обсуждении вопроса о создании нового музея, который, по его словам, «должен быть национальным, а национальность определяет прежде всего культуру, во вторых — язык, в третьих — быт, т.е. этнографию»²¹. К работе в

¹⁸ Харузин Н.Н. [Рец. на:] В.Ф. Миллер. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. М., 1893. Вып. III // ЭО. 1894. № 1. С. 140–142.

¹⁹ Харузин Н.Н. [Рец. на:] В.Ф. Миллер. Систематическое описание коллекций ... С. 140-142.

²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 73. Л. 49–49об.

²¹ Там же. Д. 75. Л. 97, 98.

музее, считает Анучин, нужно привлекать молодежь, но использовать и кадры опытных сотрудников. В.Н. Харузина тесно сотрудничала с дирекцией этого музея, ее нередко приглашали на совещания²². В 1913 г. было образовано общество друзей музея, в которое вошла и Вера Николаевна.

В связи с ее переживаниями по поводу перевода этнографических фондов в Петербург уместно перечислить некоторые предметы, подаренные членами ее семьи, их родными, знакомыми и учениками Дашковскому этнографическому музею. Интересна дневниковая запись Харузиной от 10 декабря 1903: «Отвозила в Румянцевский музей глиняные свистульки. Как всегда, музей меня притягивает. Мне бесконечно интересны разные мелочи, посуда, деревянные изделия и пр. В плачевном состоянии шкафы: Янчук показал мне из Костромской, Орловской губ. вышитые поневы...»²³.

Среди экспонатов, подаренных Дашковскому этнографическому музею членами семьи Харузиных, их родственниками и знакомыми были разные предметы быта (образцы тканей, элементы народного костюма), народные музыкальные инструменты, открытки с изображением представителей разных народов в национальных костюмах, каталоги зарубежных этнографических музеев. Все это было собрано во многих губерниях России, а также в Германии, Австрии, Бельгии, Франции, Боснии и Герцеговине, Сербии, Словении. Больше всего предметов передали в музей В.Н. Харузина, А.Н. Харузин и другие члены их семьи, а также студентки Веры Николаевны и коллеги-этнографы (Р.С. Данковская, Е.Н. Клетнова, Е.И. Гущина, А.Д. Солодовников и М.П. Солодовникова, А.А. Ивановский, Н.А. Крылов, В.П. Тихонов и др.).

Например, Н.Н. Харузин в 1897 г. передал музею следующие предметы: 10 глиняных свистулек из Скопинского уезда Рязанской губернии и 10 фотографий рабочих золотых приисков, костюмы бурятского шамана и китайцев, мужские лапти мордвы-эрзи из Нижегородской губ., а также изображение уличной сцены в станице Сретенской Забайкальской области.

Экспонаты по этнографии эстонцев, поступившие в Дашковский этнографический музей, были приобретены во время подготовки к печати А.Н. Харузиным издания «Временник Эстляндской губернии» при содействии членов ИОЛЕАЭ в Эстляндской губернии и при

²² ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 39 л. 22.

²³ Там же. Д. 68. Л. 138об.; «23.X.1906. Сегодня в Румянцевском музее подошел ко мне Романов. Он из Могилева переезжает в Вильну в новоучрежденный Этнографический музей. Изучает постановку музейного дела в Румянцевском музее». Харузина дала ему для ознакомления материалы Этнографической выставки 1867 г. — ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 70. Л. 131об.

посредничестве Эстляндского губернского статистического комитета. Это 49 образцов тканей из Вейсенштейнского и Везенбергского уездов, пастушеская труба из Виленской губернии, женские головные уборы — чепцы (*кантур*), башмаки мужские и женские (*клумпай*) из Ковенской губернии (часть этих экспонатов передана друзьями Харузиных — Н.И. Астровым, Е.О. Шарко, А.Д. Солодовниковым).

А.Н. Харузин в 1905–1906 гг. подарил музею головной убор невесты из Хотинского уезда Бессарабской губернии, 14 писанок из Буковины и Бессарабии; вместе с В.Н. Харузиной он пожертвовал также 22 посткарты хорватов, 12 — сербов, 28 — румын и венгров; 4 открытки с изображениями румын.

Больше всего различных предметов поступило от В.Н. Харузиной: 3 фотографии калмыков, переданные ей А.Н. Харузиным в 1887 г., ее собственная коллекция деревянных ложек из Нижегородской, Воронежской, Московской, Черниговской, Эстляндской, Тамбовской, Пермской, Вятской, Владимирской, Вологодской губерний, Кавказа и Области Войска Донского, из окрестностей Соловецкого монастыря, Боснии и Герцеговины (1903 г.). Кроме того она подарила музею фотографии, тканые пояса, ладанки из майолики, холщовые полотенца из Тамбовской губ. и от малороссов Галиции, переданные ей информаторами, а также множество других предметов быта²⁴.

Николай и Вера Харузины, ведя систематическую лекционную работу в вузах Москвы, убеждали своих учеников в необходимости изучения этнографических музейных фондов и неоднократно свои лекции по отдельным темам сопровождали экскурсиями в Публичный и Румянцевский музей, в Исторический музей. Они считали, что наглядное восприятие экспонатов, сопровождаемое комментарием лектора, в значительной степени поможет студентам усваивать учебные материалы.

В связи с этим весьма интересны письма В.Н. Харузиной за 1916–1921 гг. известному этнографу Д.К. Зеленину²⁵. Будучи лектором Археологического института, Вера Николаевна лелеяла мечту наряду с устройством институтской этнографической библиотеки создать и музей. В письме к нему от 24 апреля 1916 г. она отмечала: «В Московском Археологическом институте возникает мысль основать при Институте музей по антропологии, археологии и этнологии — чисто учебного характера. В связи с этим учреждается Общество друзей музея. Устав, который я Вам посылаю, дает право осуществлять широкие задачи — но это со временем. Главное — создать музей. Ведь через такие общества создавались в Германии и крупные музеи... Прошу

²⁴ А РЭМ (Архив Российского этнографического музея, Санкт-Петербург). Ф. 5. Оп. 46. Д. 36. Л. 24, 32, 44, 62, 63, 106, 110, 113–119, 125–128, 137, 152; Оп. 4. Д. 33. Л. 12, 13, 33, 34, 107, 162, 137, 145–147.

²⁵ ПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Д. 436.

Вас, не откажите мне написать... что бы Вы считали необходимым для такого отделения музея, в общем и в деталях»²⁶. Харузина просит Зеленина прислать также конспект его лекций по этнографии и программу Русского географического общества. В этом и других письмах она выражает свое горячее желание лично познакомиться с Д.К. Зелениным (удалось ли это, нам не известно). Во всяком случае, она хорошо знала, что Зеленин (выходец из Сарапульского у. Вятской губ.) — прекрасный знаток родного края, исследователь быта и культуры восточных славян, собиратель сказок, мифов и других произведений народной словесности и искусства. Он был ей близок уже поэтому. Вера Николаевна в других письмах от 1916 г. сообщает, что ее рецензия на «Очерки русской мифологии» Зеленина напечатана в «Живой старине» и что она интересуется защитой его докторской диссертации по этой книге в Московском университете в 1917 г. и извиняется, поскольку не сможет быть на защите из-за болезни (письмо от 9 января 1916 г.), но приглашает Зеленина домой, чтобы познакомиться с ним. В письме от 14 апреля 1917 г. Харузина жалеет, что не смогла снова свидеться с Зелениным, и, поздравляя его с защитой диссертации и желая новых трудов, пишет: «Узнала, что диссертация вышла удачной... Ваше имя и труды дороги русским этнографам... Сердечно благодарю Вас за извещение об избрании моем в члены Географического общества. Скажу Вам, что избрание это мне очень приятно — хотя я чувствую, что становлюсь очень плохой работницей...»²⁷. Харузина просит Зеленина сделать корректировку в плане и замечаниях по проекту Этнологического отдела в учебном музее и делится своими соображениями. Она хочет разбить отдел на два: первый — «по обучению правильным методам собирания этнографических материалов и другой, в котором коллекции располагаются так, чтобы дать понятие об эволюции явлений и дать идею о значении сравнительного изучения их у разных народов»²⁸. В идеале, считает она, хорошо иметь оригиналы, но и подбор рисунков, фотографий, моделей полезнее, чем ожидание накопления оригиналов. «Мне бы хотелось, чтобы, выйдя из нашего учебного музея, можно было идти учиться дальше, в окружные этнографические музеи, и подходить к их богатейшим коллекциям более осмысленно... и также усвоить себе приемы собирания и найти все, что нужно для подготовки, например, этнографической карты, программы, библиографии, библиотечных указателей, образцовых снимков, планов, записей, инструкций, как готовиться к дальнейшим поездкам»²⁹. Последнее письмо к Зеленину доказывает, что метод, применяемый ею к анализу этнографических данных, остается прежним — сплавом эволюционного, сравнительно-историче-

²⁶ ПФ АРАН. (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН). Ф. 849. Оп. 3. Д. 436. Л. 1об., 4об.

²⁷ Там же. Л. 6.

²⁸ Там же. Л. 4об.

²⁹ ПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Д. 436. Л. 5

ского и социологического методов. В основном она придерживалась его в своем учебнике «Этнография» (1909, 1914) и в отдельных исследованиях разных лет.

Д.К. Зеленин, высоко ценивший научную деятельность Харузиной исполнил свой долг перед другом и коллегой — он написал рецензию на брошюру В.Н. Харузиной о музеях Германии, а после ее смерти опубликовал некролог о Вере Николаевне Харузиной в польском журнале «Lud Słowiański»³⁰.

В многогранном научном творчестве Харузиных большое внимание уделялось музейным коллекциям российских регионов, Центральной Европы и Америки. Будучи в Сибири вместе с братом Николаем, Вера не могла обойти факт существования на этой богатой земле краеведческих и этнографических музеев. Их привлекли Тобольский, Минусинский, Томский³¹, Пермский музеи, с 70-х годов XIX в. шире других развернувшие работу по собиранию разнообразных коллекций и подключению науки с ее достижениями к просветительско-популяраторской деятельности, которая, по мнению Н.Н. Харузина и В.Н. Харузиной, имела большое значение для развития самобытных сибирских народностей.

Н.Н. Харузин принял участие в делах Тобольского губернского музея, основанного в 1870 г. и имевшего свой этнографический отдел по изучению быта остяков и самоедов и их культуры. Он отмечал роль музея и его подвижнические начинания в накоплении множества экспонатов, имевших большое значение не столько для изучения края, столь необходимого для понимания жизни и быта инородцев и русского населения, сколько для сплочения кадров местной интеллигенции в деле сохранения уходящей старины³².

В своей рецензии на труд Е.К. Яковлева «Описание Минусинского музея»³³ В.Н. Харузина высоко оценила коллекции по этнографии инородческого населения Енисейской губернии и роль каталога его Этнографического отдела. Коллекция отдела из 3 тыс. единиц хранения давала возможность, считала она, исследовать старые формы жизни этого далекого сибирского края, их столкновение с новыми явлениями, которые принесли сюда переселенцы: русские, эсты, латы, мордва. Ценность коллекции музея, созданного в 1877 г., заключалась в экспонатах малоизученных локальных групп хакасов, сойотов, алтайцев, остяков и эвенков, а также китайцев и японцев. Особо подчеркивал рецензент то, что энергичные работники музея —

³⁰ Зеленин Д.К. Вера Николаевна Харузина (1866–1931) // Lud Słowiański. Kraków, 1931. Т. 2. S. В 275–281.

³¹ Для ознакомления с фондами Томского музея и написания статьи «О древностях Томского музея» (Археологические известия и заметки. № 9–10, 1895) Н.Н. Харузиным была предпринята поездка в Сибирь в 1895 г.

³² Две рецензии Н.Н. Харузина на «Ежегодник Тобольского губернского музея» Вып. III–V. (ЭО. 1896. № 1. С. 169–170; ЭО. 1897. № 1. С. 183–184) помещены в разделе «Критика и библиография».

³³ Харузина В.Н. [Рец. на:] Е.К. Яковлев. Описание Минусинского музея. Вып. IV. Минусинск, 1900 // ЭО. 1900. № 3. С. 152–154.

небольшая группа людей — сделали очень много, бескорыстно посвятив себя всестороннему изучению обширного региона. Энтузиасты создали девять отделов, метеостанции, библиотеку в 15 тыс. наименований. Музей участвовал во Всемирной Парижской выставке 1900 г., отправив туда коллекции по флоре, этнографии и археологии Енисейской губернии. Уже все это подняло его авторитет и значимость. Соглашается Вера Николаевна и с точкой зрения Яковлева о том, что нужно спешить с изучением народного быта и религиозных воззрений аборигенных народов, которые подвергаются влиянию христианства, буддизма, а сказки и былины исчезают постепенно, по мере вымирания самих сказочников. Весьма ценной считает Харузина вступительную статью автора (122 с.), в которой тщательно описан каждый предмет этнографического отдела Минусинского музея, что позволяет представить его зрительно. Материалы по русскому населению края, состоящему из крестьян и казаков, проанализированы очень вдумчиво, как и материалы по мордве и латышам, осякам, тунгусам и китайцам, подготовленные для экспозиции самим создателем музея Н.М. Мартьяновым³⁴.

Николай и Вера Харузины сделали очень много на отечественном музейном поприще — их пристальное внимание и реальное участие в делах этнографических музеев способствовали популярности музеев и прогрессу лекционно-образовательного процесса в вузах. Благодаря росту интереса к центральным российским этнографическим музеям и к этнографическим коллекциям в краеведческих музеях шло и расширение общего кругозора читательской массы и студентов.

Не получившая высшего образования и решившая заняться самообразованием, В.Н. Харузина, в 1888–1889³⁵ и 1892–1893 гг. совершила вместе с сестрой Еленой и братом Николаем поездку в Париж, Берлин, Дрезден, Мюнхен, Лейпциг, Женеву, Вену, Варшаву, а затем в 1901 г. вместе с Алексеем — в словенские земли Австро-Венгрии, Триест, Берлин. В 1907 г. с Еленой и ее мужем она опять едет в Берлин, Женеву, Париж, Гренобль, Люцерн. В 1908 г. вновь возвращается в Берлин и Баварию, в 1909–1910 гг. посещает Бельгию, Австрию, Швейцарию. В 1911 г. Харузина уже одна, по заданию Археологического института, выезжает в Европу с конкретной целью изучения собраний западноевропейских музеев, где длительно и целенаправленно выясняет состояние музейного дела. Даже во время поездок в Европу для отдыха и лечения в 1888–1907 гг. она всегда находила время, чтобы посетить музеи и

³⁴ О деятельности Н.М. Мартьянова писал В.В. Богданов в рецензии на работу Ф.Я. Кона «Исторический вестник местного музея за 25 лет. 1877–1902» (Казань, 1902). Он отмечал заслугу основателя музея, сделавшего его известным провинциальным культурным учреждением России // ЭО. 1902. № 3.

³⁵ Отметим, что еще в 1890 г. ИОЛЕАЭ отправило В.Н. Харузину в Финляндию для ознакомления с организацией там этнографический музеев. — ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 63. Л. 15–17.

встретиться с выдающимися европейскими музееведами и этнографами, следила за литературой и периодикой, освещающей деятельность европейских музеев³⁶.

Замечательную брошюру «Отчет о летней поездке в Германию. Каталогизация, консервирование и размещение коллекций в этнографических музеях» (96 с.)³⁷, опубликованную в 1912 г., Харузина писала, опираясь на свои отчеты о командировке в Германию от Археологического института и от Этнографического отдела ИОЛЕАЭ. В 1910 и 1911 гг. она посетила этнографические музеи Берлина, Гамбурга, Ганновера, Лейпцига, Нюрнберга, Франкфурта, Штутгарта. До этого в журнале «Этнографическое обозрение» за 1909 г. она опубликовала рецензии, касающиеся организации работы в этнографических музеях Дармштадта, Кельна и Берлина³⁸, явившиеся как бы прологом к указанной выше брошюре. В них Харузина подчеркивала мысль о важности сохранения в этнографических музеях «старинных форм материальной культуры крестьян», необходимость основания научных периодических изданий при музеях, публикующих материалы о разных племенах, в частности о племенах Центральной Австралии, а также введении географического принципа в систематику расположения предметов и появления залов сравнительных коллекций.

Харузина предельно четко ограничивает себя в описании Берлинского, Франкфуртского, Штутгартского, Дрезденского и Кельнского музеев проблемой каталогизации, консервирования и размещения коллекций. При этом она не скупится на подробности, стараясь в каждой детали работы музеев подчеркнуть особенности, новаторство концепций музееведов и практические новшества.

---

³⁶ См., например, ее статью «По поводу заметки Р. Андрэ о новом этнографическом музее в Антверпене» (ЭО. 1907. № 4). В этой статье в связи с восторженной характеристикой богатейших коллекций нового этнографического музея в Антверпене В.Н. Харузина критикует недостатки комплектации Московского Румянцевского музея и этнографических собраний российских краеведческих музеев и призывает по крупицам собирать предметы и пытаться создать такой же блестящий научно оборудованный музей. По поводу французских музеев Харузина консультировалась с известным собирателем исторических песен Н. Gaidoz. См. его письма к Харузиной: ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 16. Л. 42.

³⁷ Харузина В.Н. Отчет о летней поездке в Германию в 1911 г. (Каталогизация, консервирование и размещение коллекций в этнографических музеях) // Отчет о состоянии Московского археологического института им. Императора Николая II в 1910–1911 академическом году. М., 1912. С. 1–96.

³⁸ Харузина В.Н. Оденвальдский этнографический музей д-ра Маурера в Дармштадте // ЭО. 1909. № 2; Харузина В.Н. [Рец. на:] С. Strehlow. Mythen, Sagen u Märchen des Aranda Stammes in Zentral-Australien. Fr. a. M., 1907; Харузина В.Н. [Рец. на:] Mitteilungen aus dem Verein der Kngl. Sammlung für deutsche Volkskunde. B., 1907–1908 // ЭО. 1909. № 2–3. С. 57–58; 194–198.

Подробнее других характеризуется устройство Берлинского³⁹ и Кельнского музеев. В шести отделах Берлинского музея были представлены Азия, Африка, Северная и Южная Америка, Океания и Австралия; их дополняли отделы дублетов, фотографий и предметов, не составляющих собственность музея. Каталоги делились на четыре категории: карточный, валовой, инвентарный и обозначающий место нахождения предмета, кроме того, существовал каталог дублетов и фотографий. Научный фонд музея был представлен в карточном каталоге. В.Н. Харузина приводила даже образец карточки (с размерами), в которую вносилось название предмета, подробное его описание и фотография. Коробки с карточками хранились в шкафах, на внутренней дверце которых помещался список с алфавитным указателем племен и местности (географический принцип размещения экспонатов), что изначально облегчало научную работу в музее. Чрезвычайно подробно останавливается автор брошюры на консервировании экспонатов (применении мышьяка, сулемы, нафталина, керосина, бензина, паров формалина).

Все тонкости немецкой каталогизации и консервирования, считает В.Н. Харузина, универсальны, их полезно знать и обсуждать при открытии новых национальных этнографических музеев. Детали организации экспозиции музея Харузиной объяснял проф. антропологии, директор Берлинского этнографического музея Ф. Лушан, с которым на протяжении ряда лет, начиная с 1892 г., она вела переписку и консультировалась по разным научным вопросам. В дневнике Харузиной от 9 мая 1908 г. и 16 июня 1910 г. есть запись о том, что в Берлине она подарила Ф. Лушану учебник Н.Н. Харузина «Этнография» (1901-1905), а он познакомил ее с коллекцией предметов из Камеруна. Здесь она прослушала лекцию Лушана по «психологической антропологии».

В связи с лекцией, Вера Николаевна отметила, что для нее составляет большой труд постижение методов немецких исследователей, но тем не менее их лекции расширяют ее кругозор⁴⁰.

Последние страницы своего труда автор посвящает взглядам разных немецких ученых на задачи музейного дела начала XX в. и перспективы будущего музееведения.

Проф. В. Фой, как считала Харузина, был не только эволюционистом, но и сторонником культурно-исторической школы Гребнера. Задачу этнографического музея он видел в показе «культурно-исторических отношений между отдельными областями одного или нескольких

³⁹ Впервые Харузина познакомилась с коллекциями этого музея в 1907 г., тогда она писала: «...такое счастье для меня видеть все это. Час пребывания в зале Africa, толком не понимаю ничего. Сотрудники тоже мало знают, но все-таки могут что-то объяснить. 4 и ½ часа провела в музее. Лушану подарила свою программу про огонь». — ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 71. Л. 27. Н.Н. Харузин также был лично знаком с Ф. Лушаном.

⁴⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 73. Л. 78об.

материков, наслоений культурных явлений, движения культуры»⁴¹. Эта задача, на его взгляд, была присуща вообще сравнительному народоведению, т.е. этнологии, в отличие от эмпирической этнографии. Музей для Фоя — научная лаборатория. С ним в основном соглашался проф. К. Вейле, директор Лейпцигского музея. Задачу музея он также решал в культурно-историческом ключе. Он считал, что цель этнографических музеев заключается в том, чтобы дать представление о культуре отдельных областей и о зависимости каждой культуры от окружающей среды, поэтому коллекции должны располагаться по географическому принципу. Необходимо создавать и сопоставительные коллекции. Например, в одном шкафу в Лейпцигском музее были представлены все способы добывания огня, известные человечеству до изобретения спичек, в другом — выставлены денежные знаки различных народов. Известный немецкий ученый проф. Ф. Гребнер (1877 — 1934), основатель культурно-исторической школы в этнографии (с ним также были знакомы В.Н. Харузина и Н.Н. Харузин)⁴², работавший сначала в Кёльнском, а затем в Берлинском этнографическом музее, подобно В. Фою, выступал против разделения коллекций на научные и учебно-просветительские. По его мнению, наука выполняет обе эти функции, поэтому было бы неправильным выставлять в отдельном помещении лишь часть коллекций специально для широкой публики, дробить коллекции. Путеводители, каталоги, специальные руководства, лекционная работа так или иначе послужат лучшему восприятию экспонатов.

Интересные взгляды высказал проф. Ф. Лушан. Работая много лет в Берлинском музее и прекрасно зная специфику всех этнографических музеев Германии, он также категорически выступил против мысли, широко обсуждавшейся в немецкой прессе, о полном разделении достояния музея на собрания, доступные публике, и на научные коллекции и выдвинул программу академического преподавания этнографии. Каждый музей, считал он, должен иметь отдельное собрание предметов, которым можно было пользоваться при преподавании. Такая коллекция должна размещаться отдельно от научных и публичных коллекций.

Останавливается Харузина и на концепции известного музейного работника Берлина и Дрездена О. Рихтера. Он выдвигал задачи, стоящие перед этнографическими музеями: эстетическо-воспитательную и национально-патриотическую. Расшифровывая эти понятия, он убеждал: этнографические музеи должны служить источником знакомства с чужими странами, что будет косвенно содействовать развитию колониальной политики, торговли и могуществу нации. К тому же музеи должны вызывать эстетическое наслаждение, являясь стимулом к художественному творчеству. Музей может включать в том числе и археологические коллекции, т.е. в нем могут быть собраны предметы древних культур аборигенных народов,

⁴¹ Харузина В.Н. Отчет о летней поездке... С. 77.

⁴² См. письмо Ф. Гребнера за 1912 г. — ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 38. Л. 7.

«доказывающих, что под слоем современной культуры во многих местах земного шара существуют уже отмершие культурные слои»⁴³.

Харузина на основании размышлений Рихтера приходила к выводу, что в XX в. складывается понятие музея общей этнографии. Его научное значение она видит в создании прочного фундамента, «оснащенного исторически и психологически»⁴⁴ и способного создать картину всеобщей истории эволюции человечества. Но в ее брошюре недостает критической оценки воззрений германских этнографов-музееведов. Возможно, она и не считала себя вправе делать это. Такая позиция подтверждается записями в ее дневнике от 3 и 28 августа 1910 г.: «Он (Ф. Гребнер. — М.К.) слишком спешно идет вперед, радуется широте открытых горизонтов, отстаивает свои мысли...» и далее: «...меня мучительно взволновала немецкая этнография». После Германии, пишет она, «я себя чувствую банкротом... немецкая этнография развивается намного лучше, чем российская, идет вперед большими шагами... В душе переменилось отношение к этнографии... я приобрела большую устойчивость в своих занятиях. Читаю (лекции. — М.К.) я не так уж плохо, пример др. Лушана был мне дорог...»⁴⁵.

Харузина старается быть объективной: при описании германских музеев всегда подчеркивает роль государства, благотворительности богатых немецких бюргеров и других меценатов в их поддержке и обустройстве музеев, а также участие в музейной деятельности известных немецких ученых — этнографов и антропологов, имеющих хорошо аргументированные концепции, получившие известность в других странах. Ее заслуга заключается в популяризации взглядов немецких ученых, в подробном показе сильных сторон каталогизации и консервации в этнографических музеях Германии, что было безусловно важно для восприятия их передового опыта российскими музееведами, опиравшимися в большинстве случаев лишь на свой энтузиазм, энергию и желание принести пользу своему народу и отечеству⁴⁶.

⁴³ Харузина В.Н. Отчет о летней поездке... С. 86.

⁴⁴ Там же. С. 87.

⁴⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 73. Л. 81, 81об., 84.

⁴⁶ В.В. Богданов в рецензии на эту работу Харузиной подчеркивает объективность ее критической оценки взглядов европейских ученых, касающихся задач этнографических музеев. Он считал разнообразие в организации музейных коллекций Германии залогом их большого успеха, но упрекал автора брошюры в том, что она не касается судеб и состояния музейных коллекций при смене их руководства, положения самой этнографии в Германии (кафедр при университетах, частых съездов ученых, покровительства и помощи государства) и солидной научной работы во многих этнографических музеях. И все же, заключает Богданов, «„Отчет о летней поездке в Германию“ В.Н. Харузиной можно рекомендовать и нашим деятелям этнографии как весьма полезный и содержательный материал» (ЭО. 1912. № 1–2. С. 241–243).

Исключительная любознательность привела В.Н. Харузину к малоизвестному в России материалу о музеях Америки. Если в Германии она самолично изучала музеи, то американские ей были недоступны. Поэтому свой обзор под названием «*Об успехах этнографии в Соединенных Штатах*»⁴⁷ она построила, опираясь на одноименный доклад известного английского антрополога А. Хэддона и на большое исследование немецкого этнографа А. Мейера об американских музеях⁴⁸. Из этих трудов она сумела извлечь максимум сведений о том, в каком состоянии находилась этнографическая наука и этнографическое музееведение в США. Она достаточно подробно характеризует этнографические коллекции в различных музеях США, деятельность Бюро американской этнологии (Bureau of American Ethnology), способствовавшего развитию Антропологического отдела Национального музея в Вашингтоне. Особенностью музееведения в США являлось то, что специализированные музеи состояли при крупных университетах (Пенсильванском и др.).

Важно, что В.Н. Харузиной удалось в своем обзоре раскрыть специфику американского музееведения, глубокую связь университетского образования с организацией, оснащением и финансированием этнографических музеев.

Итак, мы показали взгляды Харузиных на роль музейного дела в становлении, развитии, популяризации этнографических знаний, плодотворность их участия в разных сферах российского музееведения, а также причастность к разработке научных основ планов и программ этнографических музеев России и зарубежья.

Харузины сделали чрезвычайно много для того, чтобы пробудить серьезный интерес российской научной общественности и передовой молодежи к музейному делу и его связи с преподаванием этнографии в вузах России, а также в какой-то мере и для приближения российских этнографических музеев к европейским стандартам.

---

⁴⁷ Харузина В.Н. Об успехах этнографии в Соединенных Штатах // ЭО. 1903. № 2. С. 107–115.

⁴⁸ Meyer A.B. Ueber die Museen des Ostens der Ver. Staaten vor Nord America. I–II. В., 1900–1901.